

Молодость И.С. Тургенева 1840-1856

Источник: П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. П. Дорофеева (Серия литературных мемуаров).

OCR: Слава Неверов slavanva(\$yandex.ru, февраль 2007.

"Мир праху твоему!" -- так обыкновенно кончаются поминальные речи над усопшими, выражая тем пожелания живущих предать забвению все, что могло бы сколько-нибудь затемнить нравственный облик покойника. Но такое трогательное восклицание пригодно только для лиц, никогда не выходивших из толпы; для всех других оно звучит довольно странно, потому что со смертью их тотчас же начинается разбор их деятельности, их заслуг перед обществом и завершается указанием и перечетом тех препон, на какие они могли наткнуться в самом обществе. Только личности низших порядков жизни и представлений могут надеяться на "мир своему праху", но люди, носящие большое имя, должны ожидать, что с их кончиной и загорится критическая буря и возникнет спор, который потребует многих лет для своего разрешения. К удивлению, почти ничего подобного не случилось ни перед похоронами Тургенева, ни после них. Гроб его, засыпанный цветами, пришедшими с разных сторон, торжественно шел до могилы, не встречая помех и протестов. Старая историческая злоба, кой-где еще встречающаяся в обществе, против чествования независимого труда, таланта, знания, притаилась на время. Взамен редко приходилось кому-либо встретить такое согласие передовых людей Европы с русскими воззрениями на поэта, как при оценке его значения и влияния. Для судей всех национальностей это был "сказочник", столь же почетный, как и герой, прославившийся на бранном поле, как дипломат, победивший своих противников, как любой человек, высоко стоящий на ступенях иерархической лестницы. Что же такое нашлось у этого "сказочника", чтобы извратить обыкновенный ход человеческих дел и наградить его, на другой день кончины, единодушными благословениями своих и чужих людей?..

То было произведение совокупного дела художнических его разоблачений, науки жизни, им проповедываемой, и обаяния его личности [328]. Покойный романист наш успел -- к половине долгой жизни -- привести нравственную природу свою в такое соответствие с благородством писательских своих помыслов и творчества вообще, что они составили вместе один образ, возбуждавший умиление и привязанность образованного мира. Приведем несколько примеров, ограничиваясь фактами заграничной его жизни. Тотчас же по переводе его рассказа "Живые мощи", Ж. Занд писала ему: "Maitre! Nous devons aller tous a votre esole" (Метр! Мы все должны пойти в ученье к вам (*франц.*). "Странно и дико,-- прибавлял Тургенев, сообщая по секрету этот отзыв знаменитого романиста,-- но все-таки приятно выслушать такое мнение". Вообще он никак не соглашался принять титул представителя эпического творчества в Европе, какой немецкие и французские друзья его готовы были предложить ему, и почти разделял мнение "АНgemeine Zeitung" (тогда еще Аугсбургской), которая ядовито и насмешливо говорила о поклонении немцев "московской" эстетике. Успех своих рассказов он постоянно объяснял новостью предметов, им затрогиваемых, и тем, что в них своя и чужестранная публика встретили еще не ожидаемые и не подозреваемые ими начала морали и своеобразной красоты. Скрамность его в этом отношении выдержала искушения, перед которыми мог бы потерять голову менее твердый человек. Напрасно большинство знаменитостей европейского мира слали ему одна за другой свои приветы. Карлейль утверждал, что более трогательного рассказа, чем "Муму", ему еще не приходилось читать; старый Гизо выразил желание познакомиться с автором "Дневника лишнего человека" -- психического этюда, по его мнению, раскрывающего неведомые глубины человеческой души; молодой и торжествующий тогда Гамбетта приглашал его на парламентские завтраки и толковал о делах родины своего гостя. Известно, что Тэн в своей "Истории революции" сослался однажды на те же "Живые мощи" как на образец воспроизведения истины народного понимания жизни; не менее известно также и то, что Ламартин при описании своей встречи с Тургеневым достиг такого пафоса, который близко стоял к комизму. Не говорим уже об отзывах прямых друзей нашего поэта -- Флобера, Додэ, Зола, Мопассана и Ренана: они знакомы русской публике. Ничто не могло поколебать убеждения Тургенева в скромной роли, какая выпала на его долю в отечестве, даже и тогда, когда немецкий критик Юлиан Шмидт, разбирая "Дым", вопрошал его автора: "Чем же вы объясните после вашего пессимизма политическое величие своей родины и появление в ней таких людей, как Пушкин и вы сами?" Его не сбило с толку даже и рождение в Германии идеалистов, вроде благородного Пича (Pietsch), недавнего переводчика комедии "Нахлебник", который сделал задачей своей жизни распространение его произведений в своем